

«ЗЕЛЕННЫХ НЕ СОЧТЕШЬ ТАМ ШЕЛКОВЫХ ЗНАМЕН...»

(Символы болгарской государственности
X — первой трети XIII в.)

Как и в отношении Древней Руси, так и восточных народов, европейская геральдика долгое время отказывалась признавать наличие разработанной системы государственных и владельческих символов и знаков, апеллируя к тому, что эта система не соответствует западноевропейским геральдическим стандартам. Однако по мере изучения все новых историко-археологических материалов становится ясно, что как в Древней Руси, так и в Болгарии, существовала своя система знаков собственности и государственных символов. Определенно можно констатировать, что графическая символика древности, вобравшая в себя архаические графемы и тамги, различные геометрические, зооморфные символы, представляет собой некую целостную

систему. До нашего времени сохранились только ее разрозненные элементы, но комплексное рассмотрение всего материала позволяет уже сейчас сделать вполне определенные выводы об их функционировании и символике.

Особенностью данного этапа развития геральдики в средневековом мире являлось то, что система государственных символов только начинала формироваться, фактически совпадая с владельческими знаками правящего рода. По словам известного специалиста по геральдике Н. А. Соболевой, государственные символы «на ранних этапах развития государства [...] воплощались в реальных знаках руководителя, отражая его социальные функции»¹. Главной такой функцией являлось владение, хранение и защита своей соб-

ственности, своей державы. Знаково-символическая система в этом смысле играла роль оберега и являлась атрибутом власти и владения, наделенным сакральным смыслом.

Проблема выявления герба или другого государственного символа Булгарского государства давно не дает покоя исследователям. Но при этом историки и археологи, изучая Булгарское государство, не акцентировали внимание на символах и атрибутах власти. Именно поэтому по этой проблеме накопилось довольно много разрозненной литературы, часто поверхностной и содержащей многочисленные ошибочные сведения и выводы, вводящие в заблуждение широкую публику. Ее комплексное и цельное изучение должно, насколько позволят источники, прояснить вопрос о символике Булгарского государства и атрибутах власти его правителей.

Одним из важнейших символических знаков господства правителей Булгарии, как и других тюркских владетелей, являлась его ставка. В тюркском языке существует характерный для ее определения термин — «йорт» (чувашский эквивалент «сұрт») — «дом с постройками», «усадыба, двор», «стан», который в литературном языке соответствовал смыслам «страна», «владение», «государство»². Центральное место в ставке правителя занимал его шатер — юрта. Он являлся политическим и сакральным центром ставки, тогда как сама ставка понималась как центр, точка всех владений правителя.

Парадная юрта правителя тюрко-монгольских государств Евразии, как правило, была богато украшена золотом и дорогой материей. Например, арабские историки X в. указывали, что в ставке уйгурского правителя располагалась «золотой шатер», а персидский историк XIV в. Рашид ад-Дин указывал, что ставка Чингиз-хана официально называлась «Урду-и зарин бузург» (Большая/Великая Золотая Орда)³. Описывая ставку великого хана Угедея близ столицы империи Каракорума, этот весьма осведомленный автор отмечал, что там «разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек,

и этот шатер никогда не убирали. Скрепки его были золотые, внутренность обтянута тканями; его называли “Сира урду” — “Золотая орда”, “Золотая ставка”»⁴. Интересное параллельное свидетельство об устройстве шатра великого хана сохранилось в отчете папского посланника Дж. дель Плано Карпини ко двору великого хана. В 1246 г. он находился в ставке во время интронизации хана Гуюка, где для этого события был возведен огромный шатер «называемый у них Золотой Ордой [...] Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани»⁵.

В графическом плане это можно представить в виде круга с точкой в центре, о чем писал в свое время персидский государственный деятель и историкограф Хулагуидов Рашид ад-Дин: «Значение [термина] курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. [...] Значение [термина] курень — кольцо [...] В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли курень»⁶. Символически эта фигура напоминает знаменитый солярный знак и восходящий к нему циркульный орнамент, знакомый многим народам Евразии.

Ставка правителя служила местом средоточия власти. В ней правитель принимал решения государственной важности и здесь же собирал совет знати — представителей кланов и племен, которые выражали ему поддержку от имени своих владений. Очевидец этих советов Ахмад Ибн Фадлан описал их подготовку и проведение: «Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители и жителей его страны, чтобы услышать чтение письма [халифа]. [...] Все они [живут] в юртах, с той только разницей, что юрта

царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами. У него (царя) в середине ее (стоит) трон, покрытый византийской парчой»⁷.

Одним из главных символов государственного суверенитета и верховной власти являлся также трон. В его расположении в центре шатра также видится система круга с точкой в центре. По словам Ибн Фадлана, «когда же прошло некоторое время, он прислал за нами, и мы вошли к нему, когда он был в своей палатке. Цари были с правой его стороны, нам он приказал сесть с левой его стороны, в то время как дети его сидели перед ним, а он один (сидел) на троне, покрытом византийской парчой»⁸. Трудно сказать что-либо о его конструкции, но, скорее всего, это было богато украшенное кресло без спинки. Очевидно, в шатре оно находилось на некотором возвышении, поскольку Ибн Фадлан указывает, что «дети его сидели перед ним».

С развитием городской культуры в Булгарии ставка переместилась в столичный город. Именно здесь находилось место сбора войска для походов, место приема иностранных послов и сюда обращались за помощью подданные. Судя по русским летописным источникам, в середине XII — первой трети XIII в. реальная военно-политическая власть в стране находилась в ставке эмира Булгарии в Биляре («Великом городе»), о чем свидетельствуют описанные там события в 1164 и 1220 гг.⁹

Таким образом, система власти в Булгарии, очевидно, виделась самим булгарам как система концентрических кругов с точкой в центре: посредине страны — ставка, центр ставки — юрта, а юрты — трон. Подобное сходство, разумеется, не могло ускользнуть от внимания современников и, видимо, осмысливалось как единство микро- и макрокосма, сакрального и профанного, как модель идеального устройства мира и государства.

К военным атрибутам власти принадлежит сабля, вообще клинковое оружие, поскольку у тюрков все оно именуется одним словом — «кылыч». К сожа-

лению, состояние источников не позволяет во всей полноте проанализировать роль сабли как символа власти правителя. Однако символическое значение оружия несомненно. Это подчеркивают слова эльтебера Алмыша, который, угрожая своим противникам, заявлял: «Кто будет мне противиться, того я поражу мечом»¹⁰. Здесь явно сабля играет роль не просто социально престижного, но сакрального оружия. В ряду представлений о сакрализации клинкового оружия находятся сакральные имена или названия «меч ислама», «меч Пророка», а сабля выступает символом вооружения знатных воинов в древнетатарской (булгарской) литературе, тюркском и татарском фольклоре¹¹. Одновременно в булгарской дружинной культуре явно проступают черты индивидуализации сабель, что выражается в наделении клинков именами собственными (например, меч халифа Али в поэме Кул Гали назван «Зульфикар», хотя это, несомненно, дань традиции; сама практика присвоения саблям сакрального имени — деталь, очевидно, присущая дружинной культуре средневековых булгар).

Знамя являлось, вне всякого сомнения, одним из важнейших атрибутов власти правителя булгар. На войне знамя было не только символом, реликвией, которую необходимо было защищать, но и служило символом государственности и войскового объединения.

Знамена были довольно разнообразны. Сведения об этом оставил еще Ибн Фадлан, который при описании обряда погребения знатного булгарина отметил, в частности, что родственники умершего «водружают у двери его юрты знамя»¹². Иными словами, данный элемент погребального обряда указывает на то, что копьё с родовым знаменем являлось символом знатности и служило своеобразным надгробным памятником, как это зафиксировано в ряде случаев у венгров времени Арпадов¹³. Огромная роль знамени как важнейшего символа, демонстрирующего высокий социальный статус его владельца и хранителя, объяснялась, главным образом, тем, что флаг у многих

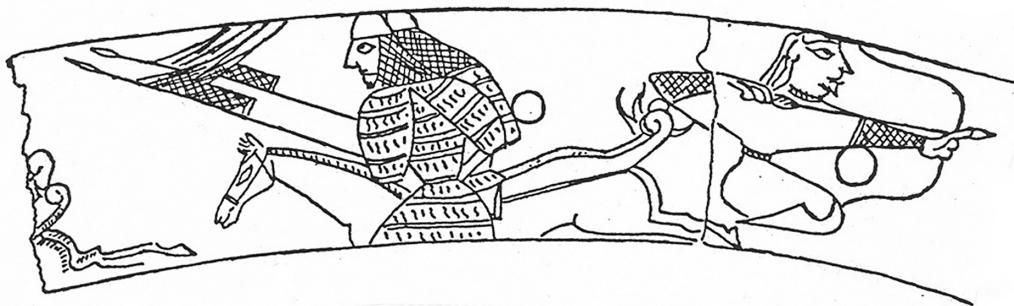

Рис. 1. Знамена на копьях булгарских воинов начала VII в. (Шиловский могильник). Самарский объединенный краеведческий музей. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998.

других тюркских народов был «не только внешним выражением единства племени или главным признаком общественной власти, но и неперменным условием последней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения»¹⁴. Изображения этих знамен и их форма зафиксированы на рисунке на костяной накладке на седло из погребения Шиловского могильника (Ульяновская область РФ), которое датируется концом VII — первой половиной VIII в. (рис. 1)¹⁵. Они имели вид прямоугольного полотнища, длинная сторона которого крепилась к древку, верхний край косо срезан и снабжен двумя «хвостами», скошенными в сторону полотнища. Судя по косой штриховке, знамя было орнаментировано или покрыто надписями. Некоторые знамена с рисунков из этой накладки имели штриховку только сверху полотнища и на «хвостах». Очевидно, разная штриховка служила обозначением знамен разных племен.

После принятия булгарами ислама сакральное значение знамени было переосмыслено в контексте исламской символики. Важнейшим свидетельством начала этого процесса может служить вручение Алмышу двух знамен, присланных ему багдадским халифом с его посольством наряду с другими подарками¹⁶. По обычаю средневековья передача знамени служила символическим актом передачи инвеституры, являлась символом наделения правителя Булгарии светской и духовной властью, благословенной багдадским хали-

фом. Видимо, по мере распространения ислама в среде булгар в первой половине X в. изображения на знаменах также менялись, постепенно приобретая, особенно в государственных символах, мусульманизированный вид. Судя по археологическим находкам (костяная накладка из Шиловского могильника) и ближневосточным параллелям, знамена булгар X–XI вв. имели вид прямоугольных полотнищ с двумя остроугольными косицами — «хоботами», исходящими из их верхней части. Эти штандарты также, видимо, прикреплялись к древкам вдоль одной из длинных сторон.

Судя по некоторым булгарским источникам и аналогиям из мусульманских (ближневосточных и испанских) стран XII–XIII вв., знамена разделялись по размерам и своему значению. Все они условно могут быть разбиты на три группы¹⁷. Как и в предшествующее время, знамена играли роль святыни, важного сакрального символа государства, феодального владения и клана. Самым крупным был штандарт эмира, который в арабской традиции именовался «райя», а в тюркской, очевидно, — «гэлэм». Этот штандарт, как и флаги беков (вообще военной знати), выносились, как правило, в особо торжественных случаях. Обычно вынос их происходил во время сбора военных отрядов и войск. Недаром Кул Гали (начало XIII в.) красочно описал, вероятно, виденный им не раз сбор войска под знамена правителя:

*Зеленых не сочтешь там шелковых знамен,
Один стяг позлащен, другой — посеребрен*¹⁸.

Во время сражения главное знамя находилось вместе с полководцем в центре боевых порядков.

Кроме того, каждый отряд, видимо, имел свое знамя или флаг, который в арабской воинской лексике именовался «алам» или «лаива», а в тюркской — «гэлэм»/«өленге»¹⁹. Очень наглядно наличие разных размеров знамен у разных подразделений, очевидно, изображено на некоторых миниатюрах Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи²⁰. Использование булгарами знамен в сражении подтверждается сообщениями ряда русских летописей²¹. Небольшие отряды и воинские ополчения знати также, вероятно, имели свои воинские знаки — небольшие знамена или флажки, называвшиеся у тюрков «жалау/йалау»²².

Булгарские знамена, судя по словам Кул Гали, имели зеленый цвет. Возможно, как и в предшествующее время, они были также черными, красными, коричневыми, голубыми или комбинированы из разных цветов. Как и все другие средневековые мусульманские знамена, они были покрыты надписями на арабском языке (чаще всего, видимо, сурами Корана и рыцарскими девизами), вышитыми золотыми или серебряными нитями.

Все эти большие хоругви и маленькие флажки имели не только важное сакральное, но и военное значение. Воинские знамена помогали военачальнику управлять ходом боя, так как их положение позволяло ему издалека определять расстановку и положение отрядов своих и чужих войск и оперативно реагировать на каждое их изменение. Подрубить или опрокинуть стяг противника означало, что организованное сопротивление прекратилось. Знамена также обозначали место ставки военачальника и сбора воинов после сражения.

Важнейшим атрибутом государства является герб или другой заменяющий его символ. Для средневекового общества в качестве подобного знака, как правило, выступал знак собственности правящего рода. В этом смысле владельческая тамга является лишь упрощенной формой герба, поскольку средневековая страна и ее территория и население понимались современниками как исключительная собственность правящего рода.

Очевидно, один из первых вариантов был предложен А. В. Арциховским, который считал, что в XII в. гербом Булгарии стало изображение барса, имея в виду не герб как таковой, а некую геральдическую эмблему одного из булгарских племен, ставшую в силу каких-то причин династической эмблемой правителей Волжской Булгарии. Для обоснования этой гипотезы он опирался на изображение на старинном русском гербе Болгара²³, который был зафиксирован на печати Ивана IV 1577 и 1583 гг.²⁴ и с некоторыми существенными дополнениями (крест в лапе у барса) в первом русском гербовнике 1672 г. — «Титулярнике» царя Алексея Михайловича.

Эта мысль была подхвачена А. Х. Халиковым, который в ряде сво-

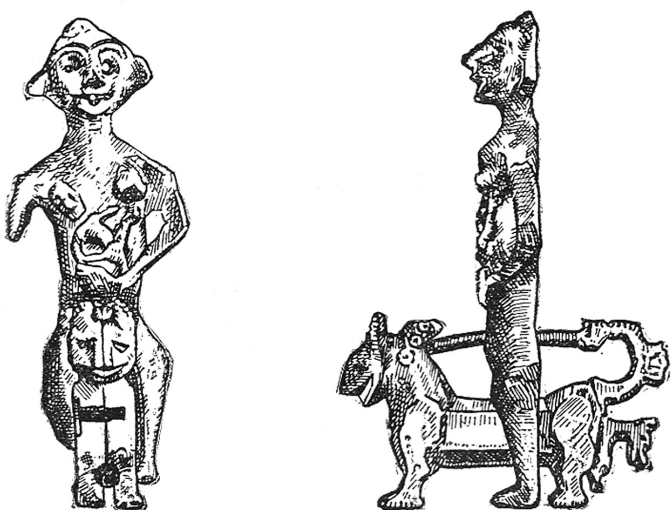

Рис. 2. Замочек в виде всадницы на барсе X-XIII вв. (Маклашеевская находка). Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. — Казань, 1981.

их статей существенно развил ее и дополнил новыми гипотезами и реалиями²⁵. Он предполагал, что барс являлся тотемным животным одного из ведущих болгарских племен — барсил, само название которых, по его мнению, «состоит из двух древнетюркских слов: барс — хищный зверь, тигр, один из почетных символов двенадцатилетнего животного календаря — цикла и ель, иль (el) — племенной союз, племя, народ, государство, страна. Таким образом, барсил — племя, племенной союз или народ барсов»²⁶. Он также полагал, что барс (иногда рогатый, иногда крылатый) еще у древнейших тюрок являлся символом племенных вождей и часто был частью имени. Привлекая фольклорные источники, автор также отмечал, что у поволжских татар барс служил символом богатства, знатности, плодородия. Он делал вывод, что «изображение барса у ранних болгар на Волге символизировало знатность, привилегированность, принадлежность по крайней мере к княжескому роду»²⁷. Одним из существенных доказательств реальности существования у болгар символа барса и его особой роли в генеалогических представлениях болгар, по мнению А. Х. Халикова, являлись находки бронзовых замочков в виде рогатых барсов и особенно одна находка близ с. Маклашеевка — изуродованная всадница с младенцем на руках верхом на рогатом барсе²⁸ (рис. 2). Позднее его гипотезу поддержали и развили другие историки, искусствоведы и археологи²⁹.

Наиболее существенно расширил систему доказательств этой гипотезы Г. М. Давлетшин, который, проанализировав практически все археологические материалы с изображением барса с территории Булгарии и сравнив их с фольклорными и историческими данными, проследил путь образа барса в тюркском мире от тотема до государственной символики. По его мнению, барс в качестве геральдического символа Булгарии восходит к тотему племени барсил, которое было «одним из наиболее сильных и самых древних болгарских племен», и именно из этого племени выбирались правители. Он

полагал, что с XII в. образ барса начинает проникать в государственную символику и в обычные изделия (бронзовые замочки). Уже в конце XIII в. изображение барса становится распространенным символом на монетах, керамике, поясной гарнитуре и других изделиях Улуса Джучи, выполняя значение геральдического символа. Во времена Казанского ханства барс также использовался в качестве геральдического символа, а позднее перешел в российскую геральдику³⁰.

При всей логичности и разработанности гипотеза о барсе как гербе средневековой Булгарии имеет ряд серьезных недостатков, связанных с некорректным использованием разновременных и разнохарактерных археологических материалов. Во-первых, бронзовые замочки в виде львов или каких-то других рогатых кошачьих хищников, вопреки представлениям, восходящим, видимо, еще к трудам археологов 1930-1940-х гг., о «булгарском» происхождении подобных изделий, таковыми

Рис. 3. Бронзовый замочек в виде барса (тигра) XII-XIV вв. Из фондов Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Фото автора.

не являются. Расширение наших представлений о материальном мире средневекового Востока заставляет полагать, что подобные замочки относятся к широкому кругу изделий мусульманских мастеров Средней, Передней и Малой Азии, а также Ближнего Востока и Северной Африки вплоть до мавританской Испании, а также широко представлены в странах, контактировавших с мусульманским миром, — в Средиземноморье и Причерноморье. Возможно, впервые они стали производиться в сельджукских мастерских Хорасана, а оттуда распространились и в Булгарию, где, возможно, было налажено собственное производство модной продукции (рис. 3).

Как бы то ни было, но семантически эти изделия не имели никакого отношения к генеалогическим представлениям и геральдике болгар. Две находки с условным наименованием «маклашевские всадники» также отнюдь не подтверждают этого, поскольку представляют собой разные изделия — всадник-уродец и сам замок. Не надо забывать и то, что данные изделия являются не геральдическими символами или престижными сакрализованными изделиями, а вполне утилитарными вещами. Если они и отражали какое-то предание, то оно показывает, что в XII в. эти легенды давно утратили священный смысл и превратились в некую иллюстрацию рассказа о диковинках мира и удивительных событиях прошлого. Во-вторых, у нас нет фактов о том, что правитель Булгарии избирался из барсил и носил титул «правителя болгар и барсил», поскольку представляют собой весьма вольную интерпретацию сомнительного прочтения легенды на одной болгарской монете начала X в. — «эмир Барсал/Барман» или «йылзывар/йылтывар». Иными словами, нет оснований считать, что племя с тотемом барса (что также является сомнительным выводом из гипотетической посылки, что название «барсил» следует этимологизировать как «барс иле»/«народ барсов») играло такую важную роль в политической структуре Булгарии, что сделало свой знак государственным символом.

В-третьих, практически все другие находки изделий с изображениями барсов на монетах, керамике и других изделиях относятся к эпохе Улуса Джучи и к болгарской геральдике не имеют никакого отношения.

К сожалению, историки и археологи часто склонны смешивать предметы болгарской и золотоордынской эпох³¹, предпочитая не объяснять, как барс — символ Булгарии — попал на монеты, чеканившиеся от имени ханов Улуса Джучи. Разумеется, символическая система Улуса Джучи еще требует специального изучения, однако и сейчас ясно, что на нее огромное влияние оказала сельджукская геральдика, в которой в свою очередь важную роль играли зодиакальные символы и знаки года по животному восточному календарю. Если действительно в определенный период времени символом Болгара стал идущий барс, то это событие напрямую связано с золотоордынской геральдической системой и отражает коренные изменения в этнополитической структуре Булгарии в XIII-XIV вв.

Наиболее интересными и перспективными в плане выявления геральдических символов Булгарии являются так называемые «пломбы-печати» со стилизованными (можно сказать, геральдическими) изображениями животных. К сожалению, происходят они из случайных сборов и коллекций, что затрудняет их интерпретацию. Однако четыре экземпляра подобных предметов имеют на одной стороне изображение льва, а на другой — двух птиц. Фигура льва на этих печатях передана в профиль, а голова, повернутая в фас, хорошо прорисована. Четко переданы небольшие круглые глаза, крупный нос, пышные усы и раскрытая пасть зверя. На шее рельефом и штрихами показана грива и тонкий ошейник. Туловище покрыто мелкими насечками, видимо, изображающими шерсть. Правая передняя лапа зверя поднята вверх, а хвост проходит между ног и поднимается над спиной, заканчиваясь крупной пальметтой. Исследователи, отмечая, что аналогичные изображения известны на рельефах Дмитровского со-

бора (1194-1197), а одна подобная «печать» открыта на городище Старая Рязань, полагают, что они относятся к концу XII — началу XIII в., а все другие подобные находки «печатей» имеют более стилизованный характер и относятся уже к золотоордынскому периоду³². Заманчиво предположить, что эти «печати-пломбы» служили владельческими знаками какому-то болгарскому беку, правящему от имени государства. Но эта гипотеза требует дальнейшего изучения и обоснования.

Предпринимались и другие попытки обосновать существование «герба Булгарии» в виде дракона («аждахи»). Пионерами в этой тематике стали Ф. Х. Валеев и М. И. Ахметзянов, которые не только развивали идею Н. Ф. Калинина³³ о гербе Казанского ханства, но и, применяя ретроспективный метод, попытались выявить герб Булгарии³⁴. В дальнейшем эта мысль авторов получила развитие в новых трудах. Вот как описан символ в одной из работ: «Среди блях, входивших в состав нагрудных украшений мужского костюма, встречаются бляхи с изображением полиморфного чудовища. Фантастическое существо в них изображено с головой собаки со свисающим мясистым языком, рогами сайгака, мускулистым туловищем орла, покрытым рыбьей чешуей, цепкими орлиными лапами, хвостом змеи [...] Несомненно, в основе образа болгарского чудовища лежит изображение восточноазиатского дракона, вынесенное гунно-болгарами из мест их прежнего обитания до появления в районах Восточной Европы. Этот образ, пройдя через вековой фильтр народных представлений, в творчестве болгарских мастеров приобрел индивидуально самобытную трактовку как художественное воплощение древнего мифологического существа, всесильного и вездесущего — на земле, в небесах, под водой и в подземелье. Подобные фантастические существа довольно часто входили в герб того или иного княжества, города или государства. Эмблематическое изображение его, как мы полагаем, могло быть в гербе Волжской Булгарии, поскольку этот образ входит

в герб Казанского ханства, являвшегося, как известно, политическим и культурным преемником Волжской Булгарии»³⁵ (рис. 4). Иными словами, сначала берется аксиома, не требующая в то время доказательств (политическая и культурная преемственность между Булгарией и Казанским ханством), а потом спорная мысль о драконе как гербе Казанского ханства служит автоматическим доказательством существования подобного символа у болгар, якобы еще с «гунно-болгарского» периода, и они даже находят данный символ среди археологических находок из собраний Болгарского музея-заповедника. Однако судьба, используя плохое знание археологических материалов и их хронологии, сыграла с авторами этой гипотезы злую шутку. В действительности они изучали не какое-то «нагрудное украшение мужского костюма» болгарского времени, а накладку на пояс, которая датируется второй половиной XIII в. и относится к кругу изделий торевтов империи чингизидов³⁶ (рис. 5). То есть если в символику Казанского ханства действительно входил дракон («аждаха»), то связан он с образами и символами Улуса Джучи, а не Булгарии. Тем самым можно исключить образ дракона

Рис. 4. Накладка на пояс с изображением дракона второй половины XIII — начала XIV в. Из фондов Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Фото автора.

Рис. 5. Накладка на пояс с изображением дракона на второй половины XIII — начала XIV в.
Фото из личного архива автора.

из числа возможных символов средневековой Булгарии.

Считается, что наряду с изображениями животных и каких-либо предметов использовались и другие знаки. Это восходящие еще к глубокой древности простые символы — метки и тамги. Изобретение и развитие письменности привело к усложнению данной знаковой системы, которая была дополнена особыми графемами, имеющими важный сакральный смысл для членов клана или рода. Очень часто таким знаком собственности являлись инициалы, т. е. начальные буквы имени главы семьи — владельца той или иной вещи. Поскольку государство понималось как «йурт» — «родовой удел», то оно также мыслилось как коллективная собственность членов правящего рода, а их собственность защищалась особым клеймом, которое в тюркской традиции именовалось «тамгой».

Одним из основных символов булгарского государства является тюркская руническая графема, напоминающая перевернутую кириллическую букву «А» с различными вариантами оформления внутренней перекладины, угла схождения длинных сторон и их окончаний.

Впервые этот знак был выявлен на монетах, чеканенных в Болгаре, в 1926 г. Р. Р. Фасмером³⁷. Позднее они

Рис. 6 а, 6 б. Гончарные клейма в виде буквы «А». Из фондов Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника.
Фото автора.

были изучены С. А. Яниной³⁸, которая отметила, что большинство подобных знаков характерны для монет типов 366 г. х., чеканенных в Болгаре и принадлежавших эмиссиям эмира Му'мина ибн ал-Хасана, относящимся к 370-м гг. х.

Наиболее многочисленная по количеству находок группа подобных знаков изучена на булгарской керамике. По материалам отечественных исследователей³⁹, данная группа является наиболее распространенным видом клейма на гончарной посуде в домонгольский и, возможно, в раннезолотоордынский периоды (к этой группе клейм относятся около 49 % всех знаков, обнаруженных на Билярском городище и 68 % всех клейм Русско-урматского селища) (рис. 6 а, 6 б, 7). Подробно состав и стилистические особенности подобных клейм изучила Н. А. Кокорина, которая сделала ряд интересных наблюдений о систематике этих клейм, их семантике и хронологии⁴⁰. Автор, проана-

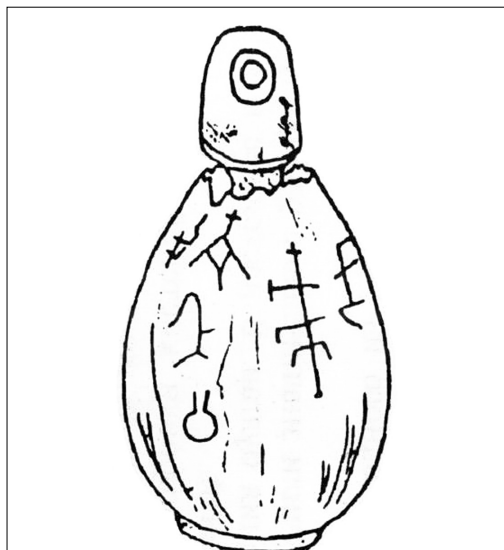

Рис. 11. Кистень. Лосиный рог. X-XI вв. (городище Хулаш). Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары, 1972. — С. 59.

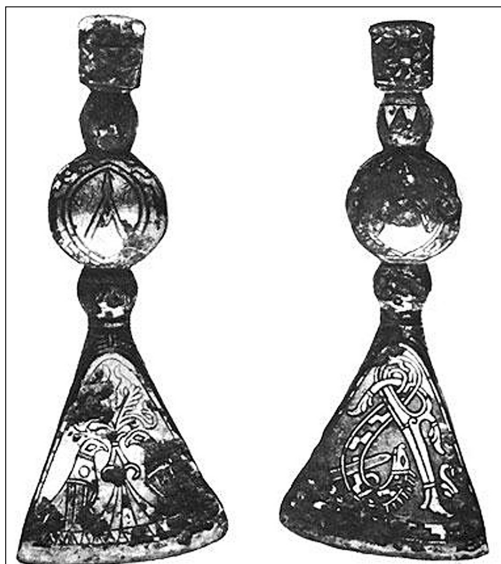

Рис. 12. Орнаментированный топорик XI в., так называемый «топорик Андрея Боголюбского». Государственный Исторический музей, инв. № 34213. История татар. — Казань, 2006. — Т. 2.

Подтверждают данную трактовку другие предметы, где также имеются подобные знаки. В первую очередь, это предметы вооружения. Один знак обнаружен на костяном кистене, найденном при раскопках болгарского городища Хулаш⁴⁷. Эта булава относится к типу I, который объединяет костяные (лосиный рог) кистени яйцевидной формы со сквозным отверстием по оси, куда вставлялся железный стержень с петлей для крепления к рамке на одном конце и заклепанный — на другом. Кистени этого типа продолжают ранне-болгарские традиции и являются самыми ранними среди других аналогичных находок. Наиболее близкие кистени происходят из слоев X-XI вв. Саркела и ряда городов Древней Руси, в том числе и Новгорода, датируются вплоть до XII в.⁴⁸ (рис. 11).

Очень интересна хулашская находка, которая имеет на поверхности тамгообразные знаки, среди которых есть знак в виде варианта тамги «А». Следует отметить, что по типу и характеру их исполнения она аналогична широко известной костяной гире из Белой Вежи с тамгой, близкой знакам Рюриковичей⁴⁹, доказывающей принадлежность вла-

дельца этого оружия к дружинной знати⁵⁰.

Другое оружие, где открыт этот знак, — топор с клиновидным лезвием, округлыми щековицами и фигурным молоточковидным обухом, происходящий из окрестностей Билярского городища (ныне хранится в собрании Государственного Исторического музея). Подобные топорики были широко известны на Руси⁵¹ и в Булгарии⁵² в IX-XI вв. Топорик из Биляра весьма своеобразен и искусно отделан с помощью серебра, золота и черни (рис. 12). На его лезвиях сохранились изображения: на одной стороне — древо жизни и птицы по бокам, а на другой — извивающийся дракон, пронзенный мечом. Некоторые орнаментальные мотивы (узор в виде ступенчатой пирамиды, «лестничная» кайма) имеют аналогии на предметах из Северной и Центральной Европы⁵³. Среди исследователей есть мнение, что этот топорик был произведен в одной из древнерусских мастерских⁵⁴, что не объясняет, почему на этом топорике имеется болгарское клеймо, которое ни разу не встречено на Руси, и как этот дорогой предмет попал в Биляр. Не вдаваясь в дискуссию о характере и ме-

древнетюркские руны	1	У	У	1	↑	У	У	У	У	х	Δ	D	⊗	>	⊗	У	А	А	х	х	€	N
Биляр	1	У	У	1	↑	У	У	У	У	х	Δ	D	⊗	>	⊗	У	А	А	х	х	€	N
Муромский городище	1	У	У		↑							D		>							€€	
Дунайская Болгария					↑	У	У	У	У	х			⊗	>								
Салтово-Маяцкая кульница пропеченные знаки		У		1		У		У	У	х	Δ	D		>	⊗	У		А				N

Рис. 13. Соотношение гончарных клейм из разных регионов с буквами тюркской руники.
Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983.

сте производства топорика, следует отметить, что болгарская принадлежность его по месту находки несомненна.

Еще одна находка подобного знака была сделана в районе с. Нижнее Абдулово (Альметьевский район РТ) на камне-стеле⁵⁵. Скорее всего, данный знак являлся пограничным знаком на юго-восточной границе Болгарии.

Обнаружены подобные знаки также на бараньих лопатках из Болгара и Биляра⁵⁶, а также на камне из Биляра⁵⁷. Данный вид находок также чрезвычайно интересен, поскольку явно имеет магическое значение. Вполне возможно, что они наносились во время каких-то мусульманских обрядов с использованием жертвенного барана, осложненных традиционными тюркскими представлениями. Очевидно, подобное же магическое значение имел и знак на строительном камне из Биляра — своего рода «краеугольный камень», имевший охранительное значение.

Исследователи указывали также на то, что подобные знаки встречаются и на «пломбе-печати» из Болгара, на серебряных браслетах, а также на навершиях богатых эпитафий из Заказанья⁵⁸. Однако это явное недоразумение. На «печатах» из Болгара, как и на браслетах, явно просматривается орнаментальный мотив в виде двух сходящихся под острым углом стеблей, образующих в месте соединения овальный или подромбический бутон с загнутыми в обратную сторону кринами, который был широко известен в Улусе Джучи в XIV в. и не имеет ничего общего со знаком «А»⁵⁹. Относительно наличия знака «А» на навершиях богатых эпитафий из Заказанья — это просто

та же ошибка искусствоведов, увлекшихся теориями преемственности между культурами Болгарии и современных татар, для которых нет ни хронологических различий, ни особенностей композиции, ни общего контекста культуры. Для них образцы культуры Болгарии, Улуса Джучи и Казанского ханства — все единое целое, тогда как в действительности это совершенно разные культурно-хронологические явления, имеющие свои истоки и репертуарные особенности. Дело в том, что в этой работе указывалось, что в орнаментальном оформлении эпитафийных памятников использовались «А-образные мотивы в цветочно-растительной трактовке»⁶⁰. Однако изучение приложенных иллюстраций показывает, что речь идет не об «А»-образных мотивах, а о растительном орнаменте, характерном для Улуса Джучи, а отнюдь не для Болгарии X-XIII вв. Иными словами, на поверку оказывается, что ни на каких изделиях золотоордынского времени знаков типа «А» не обнаружено.

Тем самым можно очертить круг использования «А»-тамги. Это прежде всего болгарские монеты X в., некоторые парадные предметы вооружения (орнаментированный топор, костяной кистень с тамгами и гончарные клейма). То есть, речь может идти о функционировании определенной системы знаков-тамг.

Относительно интерпретации символа «А» есть определенные разработки исследователей. По мнению А. Ф. Кочкиной, впервые обратившейся к его интерпретации, знак имеет эквиваленты в тюркском орхоно-енисейском руническом письме и, скорее всего, пе-

редавал звук «б²», возможно, означая начальную букву слов «Билляр» или «Булгар»⁶¹ (рис. 13). К этому мнению присоединилась также Н. А. Кокорина, которая предложила свою семантику знака. По ее мнению, знак использовался в качестве тамги родом, который считал своим тотемом волка («буре») в юго-восточной Башкирии, а волк в качестве прародителя тюрков являлся тотемом рода каганов Ашина, а почитание волка известно у многих средневековых и современных тюркских народов, в том числе сохранилось в татарском и башкирском фольклоре⁶². Иными словами, автор полагает, что данный знак мог быть начальной графемой слова «буре» и являться символом правящего в Булгарии рода, имеющего родство с каганами Ашина. Но если реальность почитания волка как прародителя всех тюрков многими древними и современными тюркскими народами не вызывает особых сомнений, то однозначность сопоставления правящего булгарского рода с волком и знаком этого тотема сомнительна. Во-первых, нет никаких свидетельств об особом почитании волка у булгар, а во-вторых,

в Великой Булгарии, как известно, правил род Дуло, являвшийся соперником тюркского рода каганов Ашина, а в-третьих, графема «А» могла передавать на письме, как звук «б», так и «м», поскольку разница между ними была только в вертикальном или гори-

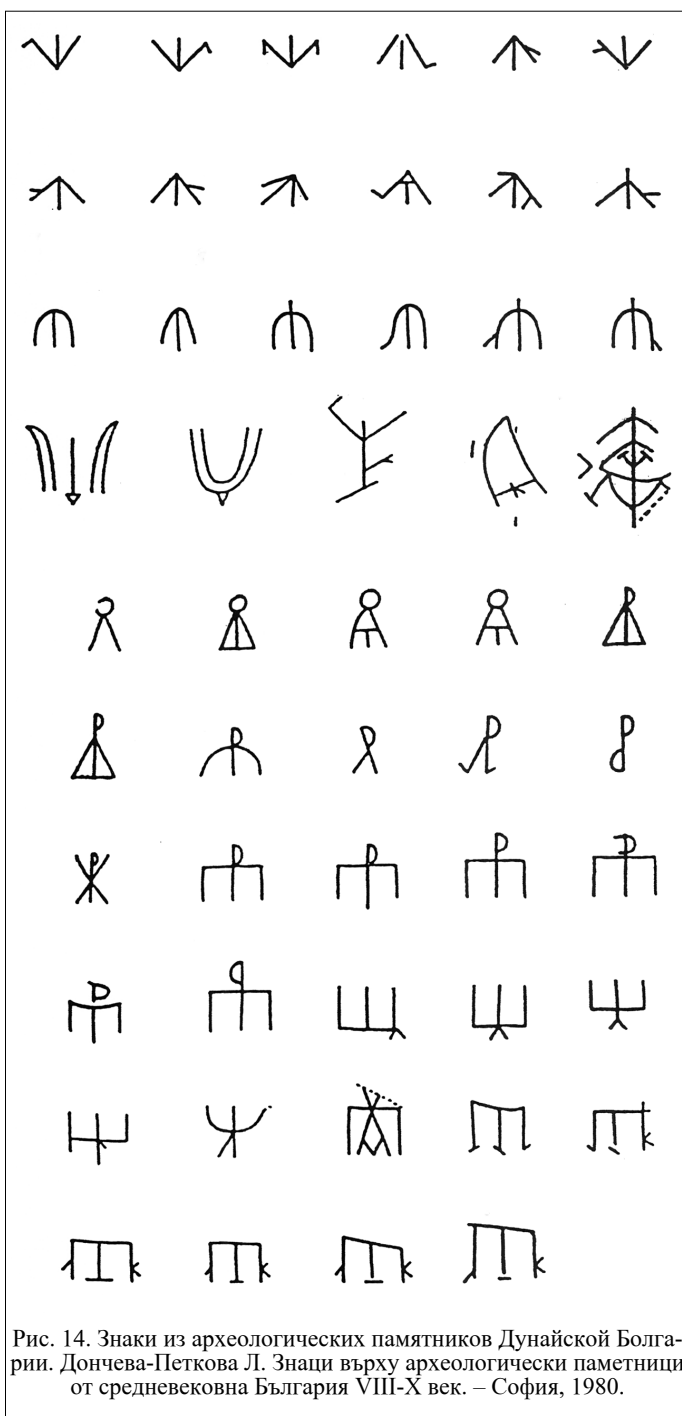

Рис. 14. Знаки из археологических памятников Дунайской Булгарии. Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VIII-X век. – София, 1980.

зонтальном начертании⁶³. В этой связи можно, с определенной долей сомнения, присоединиться к тем исследователям, которые видят в «А»-тамге знак правящего булгарского рода.

История подобного знака восходит еще к раннебулгарскому времени,

поскольку клейма подобного вида обнаружены на керамике из Большетарханского могильника⁶⁴. В X-XI вв. этот знак одновременно с гончарными клеймами обнаружен на монетах и предметах вооружения. В XII-XIII вв. является наиболее распространенным знаком среди гончарных клейм Билярского городища. В последующее время, видимо, постепенно выходит из употребления. Таким образом, учитывая широкую распространенность подобного знака в разных средах — государственно-политической, военно-дружинном быте, гончарном ремесле и торговле, можно говорить о том, что это была не обычная владельческая тамга, а символ правящего в Булгарии рода. Типологически и функционально подобные тамги были, очевидно, идентичны «знакам Рюриковичей» на Руси и владельческим знакам из Дунайской Болгарии, которые также, по мнению некоторых исследователей, восходят именно к тюркской рунике⁶⁵ (рис. 14).

Другим знаком, также обнаруженным на монетах и среди гончарных клейм, является символ в виде горизонтально лежащего молоточка с косым отрезком, выходящим из середины длины «рукоятки» и направленным в сторону от «бойка» (рис. 15). На некоторых клеймах «рукоятка» прямая, а имеет вид полуокружности. Этот знак встречается на монетах Му'мина ибн Ахмеда, чеканенных в 366 г. х., по всей видимости, в Суваре⁶⁶. Подобный знак был также обнаружен среди клейм на Валинском городище («Муромский городок»)⁶⁷ и Болгарском городище. По мнению А. П. Ковалевского, знак был родовым символом сувар⁶⁸. Эта гипотеза имеет право на существование. Следует также подчеркнуть, что только отрывочность и малочисленность письменных источников не позволяет исследователям сопоставить другие знаки, известные по клеймам и граффито на гончарной посуде с владельческими знаками. Однако по мере расширения базы исследования это вполне возможно будет сделать.

Вся совокупность материалов позволяет сделать вывод, что в Булгарском государстве выявляется целый ряд

Рис. 15. Клеймо на днище сосуда XI-XIII вв. Из фондов Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Фото автора.

важнейших для его государственности символов власти, подчеркивающих его суверенность. Анализ изображений, которые якобы являлись символами Булгарского государства, заставляет полагать, что они или не имеют прямого отношения к булгарскому периоду (дракон-аждаха) или их использование в качестве подобного символа сомнительно (барс). Вместе с тем среди всех находок выявляется группа знаков-тамг («А»-тамги), которые встречаются как на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков, так и на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках. Подобные знаки, определенно, являлись знаками правящего в Булгарии рода, маркируя его собственность и символизируя его суверенитет. Различные виды знаков-тамг были широко распространены в средневековой Евразии и служили отличительными знаками правящего рода. Все это заставляет считать, что Булгария имела развитую систему государственных символов, включая знак родовой и знак собственности рода булгарских эмиров.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. – М., 2006. – С. 68.
2. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1989. – С. 132.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М., Л., 1952. – Т. II. – С. 230.
4. Там же. – С. 41.
5. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., Л., 1956. – С. 76.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М., Л., 1952. – Кн. 2. – Т. I. – С. 18, 86.
7. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956. – С. 131, 139.
8. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 131.
9. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М., 1998. – Т. I. – С. 352-353; М., 1965. – Т. XV. – С. 116-117.
10. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 139.
11. Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». – М., 1979. – С. 145-148; Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М., 1984. – С. 63-85; Урманчиев Ф. И. Героический эпос татарского народа. – Казань, 1984. – С. 72-187.
12. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 140.
13. Ковач Л. Вооружение венгров — обретателей Родины: сабли, боевые топоры, копья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1981. – С. 14.
14. Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. Вып. 1. – М., 1951. – С. 152.
15. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – С. 104-109.
16. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 131.
17. Nicolle D. Early Medieval Islamic arms and armour. – Madrid, 1976. – P. 141-143.
18. Кул Гали. Кысса-и Йусуфе. – Казань, 1983. – С. 168; Кул Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1985. – С. 206.
19. Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. – С. 151-152.
20. Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. – СПб., 1902. – Рис. под 1088 г., 1183 г.; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М., 1944. – С. 150.
21. ПСРЛ. – М., 1998. – Т. I. – С. 362-363.
22. Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. – С. 146.
23. Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // УЗ МГУ. – 1946. – Вып. 93. – С. 46-48.
24. Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 179-186.
25. Халиков А. Х. Маклашеевская всадница // Советская археология. – 1971. – № 1. – С. 106-117; Он же. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 5-20.
26. Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических... – С. 10.
27. Там же. – С. 11.
28. Там же. – С. 8-10.
29. Валеева Д. К. Искусство волжских булгар (X — начало XIII вв.). – Казань, 1983. – С. 46; Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура. – Казань, 1990. – С. 70; Он же. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). – Казань, 2004. – С. 65-68; Баранов В. С. О геральдическом изображении барса из Болгар // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 126-130.
30. Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной... – С. 59-68.
31. Там же. – С. 63.
32. Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 253-255.
33. Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. – Казань, 1955. – С. 64.
34. Валеев Ф. Х., Ахметжанов М. И. Герб Казанского царства // Идел. – 1973. – № 4.
35. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. – Казань, 1987. – С. 79-80.
36. Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. – С. 35-60.
37. Фасмер Р. Р. О монетах волжских болгар X века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1926. – Т. XXIII. – Вып. I. – С. 29-60.
38. Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 192.
39. Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические па-

- мятники Татарии. – Казань, 1983. – С. 69-92; Кокорина Н. А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 89-97; Она же. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. – Казань, 2002. – С. 160-161.
40. Кокорина Н. А. Об одной группе... – С. 89-97.
41. Там же. – С. 90; Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии... – С. 160-161.
42. Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского... – С. 87.
43. Халиков А. Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. – Казань, 1986. – С. 82.
44. Кокорина Н. А. Об одной группе... – С. 93; Она же. Керамика Волжской Булгарии... – С. 160, 204-205.
45. Кокорина Н. А. Об одной группе... – С. 93; Она же. Керамика Волжской Булгарии... – С. 160.
46. Кочкина А. Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 99.
47. Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. – Чебоксары, 1972. – С. 59.
48. Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. – Магадан, 1997. – С. 104-106.
49. Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1958. – № 62. – С. 76.
50. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – М., 1966. – Вып. 2. – С. 59.
51. Там же. – С. 33, 35.
52. Измайлов И. Л. Указ. соч. – С. 77-80.
53. Сизов В. И. Древний железный топорик из коллекции Исторического музея // Археологические известия и заметки. – 1897. – Т. V. – С. 145-162.
54. Кирпичников А. Н. Указ. соч. – С. 35.
55. Ахметзянов М. И. Бороны балбал // Из истории Альметьевского региона. – Казань, 1999. – С. 314-315.
56. Кочкина А. Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 75-80; Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 220-243.
57. Трофимов А. А. Древнечувашская руническая письменность. – Чебоксары, 1993. – С. 9.
58. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Указ. соч. – С. 140; Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии... – С. 160.
59. Полякова Г. Ф. Указ. соч. – С. 179-186; Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005. – С. 111, 122, 127, 158, 159.
60. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Указ. соч. – С. 84, 140.
61. Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского... – С. 89.
62. Кокорина Н. А. Об одной группе знаков... – С. 92-93; Она же. Керамика Волжской Булгарии... – С. 160-161.
63. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М., Л., 1951. – С. 17; Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). – М., 1983. – С. 5.
64. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964. – С. 39.
65. Соболева Н. А. Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель, исследователь, учитель. К 85-летию В. М. Потина. – СПб., 2005. – С. 33-68; Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VIII-X век. – София, 1980. – С. 7-19.
66. Янина С. А. Указ. соч. – С. 192.
67. Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского... – Рис. 5.
68. Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. – Чебоксары, 1954. – С. 48.

Искандер Измайлов,
кандидат исторических наук

